

Афонский период в жизни и творчестве прп. Паисия (Величковского)

Жгун Петр Борисович

независимый исследователь, Санкт-Петербург
thecofile@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Жгун П. Б. Афонский период в жизни и творчестве прп. Паисия (Величковского) // Богослов. 2026. № 2 (10). С. 176–196.
DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2026.10.2.006

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается афонский период жизни Паисия Величковского как начальный этап формирования его братства и переводческой школы. Показано, что деятельность Паисия разворачивалась в условиях многоязычной книжной культуры, в которой взаимодействовали славянская, румынская и греческая традиции. Особое внимание уделяется его работе по сверке и исправлению славянских переводов на основе греческих оригиналов, а также формированию круга сотрудников, владевших древнегреческим языком. Проанализированные источники позволяют выявить особенности исторического мышления Паисия, выражающиеся в различении неизменного содержания святоотеческого предания и изменяемых форм его выражения. Делается вывод о том, что уход Паисия с Афона в 1763 г. был обусловлен не только внешними обстоятельствами, но и внутренней логикой развития его общежительного и переводческого проекта. Также указаны церковнославянские рукописи с переводами, созданные учениками св. Паисия на Афоне в позднейший период, в конце XVIII – начале XIX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Паисий (Величковский), схимонах Платон, схимонах Климент, схимонах Афанасий (Охлопов), Симеон (Ивкович), славянское «Добролюбие», Святая Гора Афон, Ильинский скит, монастырь Симонопетра, рукописи, переводы творений святых отцов

Статья поступила в редакцию 08.05.2026,
принята к публикации 22.05.2026.

ПОЛОЖЕНИЕ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА В XVIII В.

В

XVIII в. духовная жизнь на Афоне постепенно оживлялась после длительного упадка предыдущих столетий, во многом обусловленного османским владычеством. Это возрождение проявлялось как в развитии духовного образования, так и в расширении культурных контактов Святой Горы с православным миром и европейскими странами. В этот период здесь усиливается переводческая и литературная деятельность монахов разных национальностей, возрастает интерес к святоотеческому наследию, в том числе на современных языках, и в целом к распространению духовного просвещения.

Вместе с тем остается открытым вопрос о реальном состоянии рукописной традиции на Афоне в тот период. Не вполне ясно, в какой мере предшествующий упадок затронул знание древнегреческого языка и практику переписывания святоотеческих текстов: можно ли говорить о частичной утрате этих навыков в среде самих афонских монахов или же, напротив, доступ к рукописям был сознательно ограничен монахами. В историографии высказывалось предположение, что греческие монахи неохотно предоставляли рукописи для работы иноземцам, в том числе и ученому старцу Паисию (Величковскому). По-видимому, реальная ситуация могла сочетать оба фактора — как снижение уровня книжной культуры в отдельных обителях, так и определенную закрытость рукописных собраний, которая сохраняется и в наше время.

Важным проявлением интеллектуального и культурного прогресса на Святой Горе стало учреждение в середине XVIII в. по инициативе Константинопольского патриарха Кирилла V богословского училища «Афониада». Его первым ректором был назначен Евгений (Булгарис) — преподаватель философии, впоследствии архиепископ Херсонский и Словенский. Среди преподавателей находились такие отцы, как преподобный Косьма Этолийский и Афанасий Паросский. Известный в дальнейшем св. Косьма Этолийский, прибывший на Афон в 1742 г. и принявший постриг в монастыре Филофей, впоследствии посвятил себя широкой миссионерской деятельности. С 1760 г. он проповедовал в различных регионах Османской империи,

способствуя распространению образования и, по преданию, содействуя основанию значительного числа школ.

Наряду с подъемом образования в середине XVIII в. на Афоне развернулись острые споры о богослужебной практике. В 1754 г. возник конфликт вокруг дня поминовения усопших: монахи-келлиоты скита св. Анны, занятые строительством соборного храма, могли совершать поминовения лишь по воскресеньям, что вызвало протест сторонников соблюдения субботней традиции. Постепенно частный конфликт перерос в общеафонское противостояние. Сторонники субботнего поминовения — Неофит Кавсокаливит, Афанасий Паросский, Христофор из Арты, Агапий Киприот, Иаков Пелопоннесский — получили наименование «колливады». Константинопольские патриархи предпринимали неоднократные попытки урегулировать спор. В 1776 г. патриарх Софроний допустил совершение поминовений в любой день недели, одновременно осудив часть лидеров движения. В ответ Афанасий Паросский составил оправдательное послание, принятое в 1781 г. патриархом Гавриилом. Параллельно обсуждался вопрос и о допустимой частоте причащения. В 1772 г. патриарх Феодосий постановил не устанавливать фиксированного интервала между причащениями, подчеркивая необходимость духовной подготовки через покаяние и исповедь. Афанасий Паросский в своих сочинениях придерживался сходной позиции. В 1785 г. патриарх Гавриил, опасаясь злоупотреблений, временно запретил слишком частое причащение, однако впоследствии это ограничение было отменено патриархом Неофитом. Позднее, в 1819 г., патриарх Григорий V предписал практику причащения по воскресным дням.

Одним из наиболее значительных представителей афонского духовного возрождения конца XVIII в. был прп. Никодим Святогорец. С 1775 г. он подвизался в монастыре Дионисиат, где был пострижен в монахи. Работая с богатым рукописным наследием, Никодим принял участие в подготовке к изданию святоотеческого сборника «Филокалия» (1782), а также издал ряд аскетических и богословских сочинений, включая труды о практике духовной жизни и частом причащении. В полемике о поминовении усопших Никодим поддерживал колливадов, отстаивая древнюю традицию субботнего поминовения усопших.

Св. Никодим был младшим современником прп. Паисия. Известно, что он намеревался вступить в его братство зимой 1762–1763 г. Из-за погодных условий его приезд задержался. Когда же Никодим прибыл на Афон, Паисий со своим братством уже покинул Святую Гору, и личной встречи между ними не произошло. При этом отметим, что прп. Паисий не примыкал непосредственно ни к одной из сторон упомянутого спора, поддерживая общение как с представителями колливадского движения, так и с их оппонентами, например с находящимся на покое вселенским патриархом Серафимом II.

XVIII в. стал для Афона временем глубоких противоречий: духовного и интеллектуального подъема — с одной стороны, усиления внешнего давления — с другой. Чтобы понять причины завершения афонского периода для братства св. Паисия, важно иметь представление и об экономической ситуации на Святой Горе в интересующий нас период. К началу XVIII в. здесь окончательно сформировалась система двадцати правящих монастырей, между которыми была распределена вся территория полуострова. Скиты и кельи находились в их административной зависимости. При этом большинство монастырей испытывало серьезные экономические трудности: долги и необходимость постоянного материального обеспечения отрицательно сказывались на внутренней жизни обитателей. Важным этапом стало издание в 1783 г. патриархом Гавриилом IV нового типикона Святой Горы, направленного на восстановление дисциплины и древних норм монашеской жизни. Документ запрещал, в частности, употребление мяса, самовольное оставление Афона и переходы монахов в другие обители без разрешения, а также ограничивал присутствие мирян в Карее. Реформа затронула и систему управления: была восстановлена должность прота, а управление осуществлялось совместно с четырьмя епископами, образующими Священную еписпасию. Одним из последствий реформ стало постепенное возвращение ряда монастырей к общежительному уставу.

В XVIII в. продолжалась материальная поддержка афонских монастырей со стороны Российской империи, регламентированная еще в петровскую эпоху. В 1735 г. был учрежден фонд, так называемые «Палестинские штаты», из которого осуществлялись регулярные выплаты восточным патриархам

и знаменитым монастырям. При этом деятельность сборщиков пожертвований из славянских обителей в России была ограничена, тогда как представители греческих монастырей пользовались определенными льготами. После секуляризационных реформ 1760-х гг. усилилась миграция монахов из Российской империи в Молдавию и далее на Афон, что было связано со стремлением к более строгой монашеской жизни.

В момент прибытия Паисия на Афон важную роль играли и славянские обители — прежде всего монастыри Хиландар и Зограф, а также отдельные скиты и кельи со славянскими насельниками. С афонской средой были связаны и молдавские иноки скита Продром, среди которых впоследствии возникли богословские дискуссии, в том числе с участием молдавского старца Афанасия, к которому еще предстоит обратиться.

ПРИБЫТИЕ ПРП. ПАИСИЯ НА АФОН

Прп. Паисий прибыл на Святую Гору в 1746 г. в поисках духовного наставничества и уединения. Постриг он принял в 1741 г. в украинском Медведовском монастыре с именем Платон. К моменту прибытия Паисия на Афон древнерусский Пантелеимонов монастырь (Старый Русик) уже находился в руках греческих монахов, вследствие чего иноки из славянских стран не имели на Святой Горе собственной обители и были вынуждены селиться при отдельных кельях и каливах. Основным районом их сосредоточения стали земли Пантократорского монастыря, где располагалось значительное число заброшенных монашеских жилищ. Это обстоятельство во многом предопределило выбор Паисием места своего первоначального пребывания на Афоне.

Отдельного рассмотрения требуют его деятельность и формирование братства. Однако так как этот период достаточно подробно отражен в его известном и много раз изданном жизнеописании, составленном схимонахом Митрофаном, остановимся кратко на отдельных, менее изученных моментах.

В начале пребывания на Афоне Паисий, не найдя желаемого наставника, поселяется в келье под названием Кипарис,

недалеко от монастыря Пантократор, и проводит здесь в уединении около четырех лет до появления первого ученика, о чем будет сказано ниже. В этой келье они проживут до 1754 г.¹ Из его жития, а также из переписки известны обстоятельства, определявшие его тяжелую жизнь в этот период. Паисий практически не имел средств к существованию: он голодал, терпел зимнюю стужу, не имея необходимой одежды и обуви, и, обладая слабым здоровьем, испытывал крайнее измождение. Физические лишения сказывались и на его внутренней жизни. Иногда, возвращаясь в келью после похода за сухарями или за древесиной для очага и рукоделия (он вырезал ложки), он лежал целыми днями, совершенно обессиленный, не будучи в состоянии выполнить даже малое иноческое правило. Заметим, что параллельно с заботами о хлебе насущном он обходил монастыри и скиты в поисках духовного отца, живущего в безмолвии, чтобы предать себя ему в послушание. Забегая вперед, уточним, что искомого старца он так и не нашел. Болгарские и сербские монахи, с которыми он поддерживал общение, делились с ним пищей и давали ему некоторые книги святых отцов. Духовника Паисий обрел среди греков — иеромонаха Даниила из Ватопедского скита св. Димитрия². Последний, а также молдо-влахийский старец Василий³, наставляли о. Паисия, что, если он будет переносить свою тяжелую жизнь с благодарностью и останется на Афоне, Господь вменит это ему в правило молитвы.

¹ Следует учитывать различие афонской терминологии: под «кельей» понимается небольшая обитель с храмом (параклисом), тогда как калива представляет собой отдельное жилище без собственного храма. Паисий на начальном этапе проживал именно в каливах или кафизмах на землях Пантократорского монастыря, а собственный храм появился лишь после переселения в келью св. Константина.

² О нем мы узнаем из письма св. Паисия к монаху Афанасию. Глава 10. Рукопись из собр. Рыльского монастыря, 5/25. Издание текста готовится.

³ Прп. Василий (Поляномерульский) — наставник и сопостник прп. Паисия на Афоне и в Молдо-Влахии.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ БРАТСТВА ПРП. ПАИСИЯ

П

ервым братом, пришедшим к 28-летнему мало-россу Платону-Паисию около 1750 г. с просьбой принять его в ученики, был молдавский монах Виссарион. Паисий не считал возможным никого и ничему учить, но поскольку Виссарион просил настойчиво, долго и со слезами, Паисий решил принять его «не во ученика, но в товарища». Он предложил ему жить во взаимном послушании, а вместо наставника избрать себе в учителя книги — Священное Писание и творения аскетических отцов. Так двуязычная молитва, взаимное послушание и книги, то есть регулярное чтение и поучение, легли краеугольным камнем в фундамент будущего Паисиева братства — в дополнение к традиционным подвигам поста и молитвы.

В следующие годы вокруг Паисия собиралось все больше румынских и славянских учеников, просивших у него духовного окормления. Так Паисий оказался в ситуации фактически навязываемой ему роли учителя. Продолжая ощущать себя неспособным к этой роли, он остро нуждался в руководстве, которое рассчитывал найти в Священном Писании и в святоотеческих творениях. Со временем эти поиски приобрели систематический характер. По образцам, которые он находил в святоотеческих текстах, он строил жизнь своего братства — как в этот период, так и в дальнейшем.

В 1750 г. из Мунтении прибыл упомянутый старец, схимонах Василий. Найдя будущего старца Паисия пребывающим в безмолвии, он провел с ним несколько дней, наставляя его и раскрывая ему из Священного Писания учение о трех монашеских чинах и иные духовные истины. Паисий со слезами просил старца постричь его в мантию, что тот и совершил, дав Платону имя Паисий. После Василий возвратился в свой скит Пояна Мэрулуй. Позже, в 1758 г., Паисий был рукоположен во священника и поставлен духовником. Это событие вызвало радость не только у его учеников, но и у других святогорцев, которые и прежде обращались к нему за получением духовной пользы. Отметим, что сначала он несколько лет жил с братией, говорившей на валашском языке; на нем же читалось и молитвенное правило.

ПРЕБЫВАНИЕ В КЕЛЬЕ СВ. КОНСТАНТИНА И РАСШИРЕНИЕ ОБЩИНЫ

В

1754 г. братство Паисия переселилось в келью св. Константина. Здесь к нему начали присоединяться славянские монахи, вследствие чего богослужение стало совершаться и на славянском языке. Кроме того, у братства еще не было полного корпуса книг на валашском языке. В скиту св. Константина, где Паисий наставлял славяноязычную братию, продолжалась работа по исправлению и переводу старых славянских текстов. Одновременно все острее ощущалась необходимость в знающих греческий и новогреческий языки иноках для работы со святоотеческими сочинениями, обнаруженными на Афоне. Именно в этом контексте Паисий пришел к осознанию существенных расхождений между славянскими переводами и греческими оригиналами, что делало невозможным их точное исправление лишь на основании славянских списков. Тем самым была поставлена под сомнение сама практика корректировки текста внутри славянской традиции без обращения к исходным греческим источникам.

ПОЛЕМИКА С АФАНАСИЕМ И КНИЖНЫЕ ТРУДЫ

В

о многих отношениях интересна переписка Паисия с Афанасием⁴, старцем скита Кавсокаливия, наставником некоторых румыноязычных иноков. В результате контактов с учениками Паисия он понял, что практика монашеского устройства и духовного наставничества в братстве сильно отличается от общепринятой на Афоне, и направил Паисию письмо с критикой. Отметим, что вопреки распространенному мнению, эта полемика не была посвящена вопросам «умной молитвы». Все это объемное

⁴ Известно несколько списков на румынском: BAR nr. 5110, ff. 1–86v; BAR nr. 4301, ff. 145–246; BAR nr. 1960; BMNN 2119.3. nr. 82. Текст на румынском издан: *Sfântul Paisie de la Neamț*, Cuvinte și scrisori duhovnicești: în 2 vol. / Ed. V. Pelin. București. 1999. T. 2. C. 21–83.

послание — спор об уставе богослужения⁵. Помимо полемических обвинений, прежде всего в несоблюдении устава, она содержит значительный объем исторической информации: детали монашеского быта и афонских обычаев того времени; сведения об общении между отдельными скитами; данные о взаимоотношениях румын, славян и греков на Афоне. Кроме того, переписка отражает существовавшее в этой среде — отчасти враждебное и подозрительное — отношение отдельных монахов к чтению и книгам. Она содержит уникальные описания возникновения и первых лет существования Паисиева братства, написанные от первого лица, — самим о. Паисием. Эти свидетельства подтверждают и данные о крайней нищете в целом, царившей в то время на Святой Горе, известные также по запискам Василия Григоровича-Барского. Произведение включает и ценные биографические сведения, например, указанный выше факт, что духовником Паисия был греческий священник Даниил из скита св. Димитрия, что предполагает исповедь на греческом языке. Переписка с Афанасием характеризует и самого старца Паисия как зрелого, рационально мыслящего человека и критического собеседника; при этом — что особенно примечательно — как невозмутимого образованного полемиста, который не только отвечает Афанасию (вероятно, значительно старшему по возрасту), но местами делает это резко и даже с оттенком полемической жесткости. Прп. Паисий предстает перед нами здесь зрелым писателем, способным разобрать сумбур обвинений оппонента и систематически опровергнуть их аргумент за аргументом, прибегая при этом как к фактам по существу дела, так и к отсылкам на Священное Писание, святоотеческие свидетельства, здравый смысл и риторические приемы.

Так, Паисий критически подходит к авторитету древности богослужебного устава. Он поясняет, что отцы действительно заповедовали хранить «правило», но, разумеется, не в том виде, в каком оно известно в его время, поскольку в апостольские времена не было «ни тропарей, ни кондаков, ни канонов, ни

⁵ Об этом см.: *Брискина-Мюллер А.* Спор об уставе между Паисием Величковским и Афанасием Молдаванином (1763 г.). Страница истории Афона и паисиянского братства // *Афонское наследие: научный альманах.* 2017. Вып. 5–6. С. 256–285.

Минеи, ни Октоиха, ни Триоди постной, ни Триоди Цветной». Он различает «правило» анахоретов и киновитов, подкрепляя это отсылками к аскетическим писателям, приводя имена и цитаты. Здесь Паисий демонстрирует способность следовать не букве Предания, а его смыслу и духу. Письмо Афанасию содержит и имена отцов, творения которых Паисий к моменту переписки — то есть около 1757 г. — уже хорошо знал (иначе он не стал бы упрекать Афанасия в их незнании). Много читать и анализировать прочитанное Паисию довелось, со всей очевидностью, — несмотря на недостаток средств к существованию и слабое здоровье — задолго до того, как он в начале 1760-х гг. натолкнулся на основной массив текстов, вошедших впоследствии как в греческую «Филокалию», так и в славянский вариант «Добротолюбия». Следует уточнить характер доступных ему книг в этот ранний период. Болгарские и сербские монахи, с которыми он общался, предоставляли ему преимущественно славянские книги. Греческие иноки также давали тексты на древнегреческом языке, однако, по-видимому, не столь охотно, лишь на время. Приобретение книг было крайне затруднительно и дорого. Это обстоятельство, по-видимому, существенно ограничивало возможности систематической работы с греческими оригиналами святоотеческих творений на Афоне.

Афанасий в письме Паисию несколько раз ссылается на то, что «так» (как Паисий) никто не делает, что его дела странны и что он в этом смысле одинок на Афоне. Возможно, это отражает искаженное представление о ситуации — в том виде, в каком она виделась самому Афанасию. Все же Паисия в этом споре поддержал совет афонских духовников, давший ему указание написать ответ. Но возможно и то, что Паисий действительно выделялся своей киевской образованностью на фоне общей среды монахов. В начале письма Афанасий упоминает, что ученики Паисия говорили о нем как о человеке «весьма ученом». По-видимому, его образованность вызывала определенное напряжение у его оппонентов. Кстати, описанные в письме Афанасию тяжелые условия жизни оставались неизменными на протяжении всего афонского периода. И в келье св. Константина, и в скиту пророка Илии братство сталкивалось с тем же: прокормить столь большое число братии было трудно, условия проживания оставались крайне тесными; кроме того,

из-за своей численности братство находилось под постоянной угрозой регистрации в качестве крупной обители, что означало бы обязанность выплаты значительного налога турецким властям. Поэтому Паисий с братьями задумывались об уходе со Святой Горы, который и случится именно из-за непомерных требований властей, о чем будет сказано ниже. Кстати, из письма к Афанасию мы узнаем и имена других учеников св. Паисия этого периода⁶.

В этом контексте особое значение имела встреча Паисия с иеромонахом Макарием, прибывшим из Бухареста до 1760 г. Некоторые сведения о Макарии приводит биограф Паисия Григорий Даскал⁷: «В то время (то есть на Афоне) пришел также некий брат по имени Макарий, который знал и по-гречески еще из Бухареста, потому что учился в тамошней школе. И так как Преподобный (Паисий) освоил к тому времени простонародный греческий язык, он часто сличал славянский Октоих с греческим и, сколько мог понять, видел большое различие между Октоихами. Поэтому он решил немного изучить эллинский (древнегреческий) язык у того брата, как источника, из которого проистекли все церковные книги. Итак, принявшись, преподобный легко освоил и эллинский язык, так как знал латынь еще со школы, и начал так переводить, сначала под руководством того брата, а после и сам. И таким образом преподобный выучил и эллинский язык, из которого много пользовался и сам, и братьям пользу приносил».

Так иеромонах Макарий остался на Афоне в братстве, вероятно, по просьбе старца Паисия и также вернулся с ним в Молдову в 1763 г., оставаясь рядом примерно до 1773 г., когда уехал в Бухарест. За это время он осуществил как на Афоне, так

⁶ Их имена: Виссарион, Кесарий, Парфений, Павел, Иордакий, Вениамин и Мартирий.

⁷ «Житие старца Паисия, написанное Григорием Даскалом (1765–1834, крупным эллинистом и переводчиком, митрополитом Угровлахии (1823–1834 гг. с перерывами), было опубликовано в Нямце в 1817 г. в рамках антологии патристических текстов „Adunarea cuvintelor celor pentru ascultare [Собрание слов о послушании]“ и переиздано в книге *Zamfirescu D. Paisianismul: un moment românesc în istoria spiritualității europene: volum alcătuit în întâmpinarea primului congres ecumenic internațional „Paisie Velickovski și mișcarea/moștenirea sa spirituală”*» (Italia, Magnano, 20–23 septembrie 1995). București: Ed. Roza Vânturilor, 1996. P. 117–134.

и в Драгомирне перевод значительного числа святоотеческих трудов на румынский язык и обучил старца Паисия трудному искусству перевода.

Об объеме переведенных и исправленных св. Паисием произведений мы можем судить, среди прочего, по написанному им в 1782 г. письму архимандриту Феодосию (Маслову). На Святой Горе Паисий исправлял древние славянские переводы следующих авторов: Исихий Синаит «Слово о трезвении», Нил Синайский «Главы о молитве», Фалассий Ливийский «4 сотницы», Филофей Синаит «Главы о трезвении», Макарий Египетский — 150 глав из «Бесед».

Судя по содержанию этого письма, некоторые из святоотеческих творений были подготовлены на Афоне: приобретены греческие оригиналы или переписаны их копии и начата работа по редактированию старых славянских текстов. Это мы можем сказать о «Главах» Диадокха Фотикийского и поучении «О трех образах молитвы» Симеона Нового Богослова. Однако продолжена работа была уже в Драгомирнский период жизни братства в Молдо-Влахии. Св. Паисий обычно обращался к своим предыдущим редакциям и исправлял их и переводы в течение всей своей жизни.

Представляется интересным, что сходной деятельностью в этот период на Афоне занимались и другие славянские инок. Так, иеромонах Иаков (Блонецкий), подвизавшийся в Зографской обители в 1750-е гг., мог быть знаком с о. Паисием. Иаков осуществлял сверку славянских переводов с греческими рукописями и выполнял новые переводы святоотеческих текстов. Им были также составлены и исправлены филологические пособия, в том числе «Лексикон еллинославенский», «Лексикон славено-еллино-латинский» и «Грамматика нова славенская»⁸.

⁸ Во время пребывания в Зографской обители иеромонахом Иаковом сверены переводы следующих творений Св. Отцов: 1. Лествица Иоанна. Моск. издание 1755 г. с греческой рукописью Ватопедского монастыря. 2. Св. Василий Великий: Шестодневник, Ифика, Аскетика и Учительные слова. Острожское издание 1594 г. с рукописями Ватопедского монастыря. 3. Св. Иоанн Дамаскин. Богословие или православная вера. Московское издание 1656 г. с греческим изданием, выпущенным в Бухаресте. Его же: Диалектика. Рукопись Зографского монастыря с греческим изданием 1748 г. (Венеция). 4. Св. Афанасий Великий: Против ариан. Моск. изд. 1665 г. с греческим изданием 1686 г. Его же: Слово на Вознесение. Рукопись Зографского монастыря с греческим изданием 1600 г. 5. Св. Иоанн

Известно, что ранее он участвовал в исправлении Библии в Киеве, что свидетельствует о его серьезной подготовке в области книжной sprawy. Этот пример показывает, что деятельность преподобного Паисия разворачивалась в более широком контексте афонской славянской книжности середины XVIII в.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БРАТСТВА В СКИТ СВ. ПРОРОКА ИЛИИ

Вернемся теперь к обстоятельствам выживания уже крупного братства в последние годы на Святой Горе. Переселение братства в скит св. пророка Илии при монастыре Пантократор стало важным этапом внешнего, а также духовного оформления паисиевского общежития. В 1758 г. братия приобрела здесь пустующую келью и получила благословение находившегося на Афоне бывшего Константинопольского патриарха Серафима II. Обустройство скита велось практически с нуля: усилиями самих иноков и на средства благотворителей были возведены каменные постройки — храм, трапезная, пекарня, хозяйственные помещения, архондарик и около шестнадцати келий, а также устроено водоснабжение. При этом численность братства сознательно ограничивалась (первоначально — примерно пятнадцатью иноками), что соответствовало установке Паисия на сохранение строгого общежительного уклада и управляемости духовной жизни⁹. Именно в Ильинском скиту складываются основные черты переводческой школы Паисия. Здесь братство получает относительную стабильность, необходимую для систематической книжной работы: ведется поиск греческих оригиналов, их сверка и исправление славянских

Златоуст: Маргарит. Острожское издание 1695 г. с греческим венецианским изд. 1642 г. 6. Бл. Феофилакт Болгарский. Толкование Евангелия. Московское изд. 1730 г. с греческим изд. 1642 г. 7. Св. Ефрем Сирийский. Московское изд. 1701 г. с греческой рукописью Ватопедского монастыря. 8. Св. Исаак Сирийский. Славянские и греческие рукописи Ватопедского монастыря. (РГИА. Фонд 796, год 1761, опись 42, дело 69).

⁹ О начале и истории скита см.: *Fennell N.* A brief history of the Prophet Elijah Skete on Athos, from the departure of St Paisy Velichkovsky to the expulsion of the last of the skete's Russian representatives in 1992. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/37462130/> (дата обращения: 22.06.2026).

переводов, формируется круг переписчиков и переводчиков. Контакты с афонскими библиотеками, включая собрания Пантократора и других монастырей, обеспечивали доступ к рукописной традиции, что позволило Паисию выработать принципы текстологической критики и коллективного перевода. Таким образом, Ильинский скит стал не только местом аскетического устройства братства, но и первым устойчивым центром его книжно-переводческой деятельности, предвосхитившим последующее развитие этой школы в молдавский период.

БРАТСТВО ПРП. ПАИСИЯ В МОНАСТЫРЕ СИМОНОПЕТРА

Т

акое относительно стабильное проживание продолжалось до 1762 г., когда, в условиях общего экономического упадка афонских монастырей, Священный собор принял решение передать запустевший и обремененный значительными долгами (около 10000 российских рублей того времени) монастырь Симонопетра братству Паисия, насчитывавшему более 30 монахов. Передача сопровождалась обязательством предварительного сбора средств для погашения задолженности, поскольку прежние насельники покинули обитель под давлением кредиторов, оставив ее в крайне тяжелом состоянии. С этой целью, по благословению бывшего патриарха Константинопольского Кирилла V и с разрешения митрополита Киевского и Галицкого Арсения (Могилянского), были направлены посланцы для сбора милостыни в Малороссию и Запорожскую Сечь. Организация сбора находилась под строгим церковным контролем: устанавливались сроки, выдавались соответствующие грамоты и предписывалось ведение учета пожертвований. В письме от 20 апреля 1763 г. митр. Арсению Паисий подробно излагает обстоятельства краткого пребывания в Симонопетре, указывает на объективные препятствия (долги, давление кредиторов, зависимость от османских властей, хозяйственные трудности), а также подчеркивает главный риск — невозможность сохранить общежительный строй братства при необходимости постоянных отлучек для сбора средств. При

этом Паисий не принимает решения единолично и не ставит адресата перед фактом, а фактически выносит ситуацию на церковное рассмотрение, признавая за киевским архиереем не только административный, но и канонический авторитет. Не дожидаясь завершения сбора средств, Паисий с частью братии предпринял временное переселение в Симонопетру (осень 1762 г.), рассматривая это как практическое испытание возможности закрепления на новом месте. Однако уже в течение нескольких месяцев стало очевидно, что состояние монастыря не позволяет устойчиво организовать жизнь братства. Вмешательство османских властей и хозяйственные трудности делали содержание обители практически невозможным. Наряду с этим выявились и более существенные, духовно-дисциплинарные риски: для поддержания монастыря братии пришлось бы постоянно покидать обитель ради сбора средств, что неизбежно разрушало общежительный уклад и подрывало внутреннюю организацию общины. В совокупности эти обстоятельства привели Паисия к решению отказаться от окончательного принятия монастыря и возвратиться с братией в Ильинский скит, уведомив об этом церковные власти.

В целом переписка с митр. Арсением показывает, что отношения Паисия с владыкой строятся на сочетании личного уважения и строгой институциональной логики: именно через митрополита обеспечивается каноническая легитимность как сбора милостыни, так и изменения первоначального плана, связанного с Симонопетрой. Однако пребывание в Симонопетре, как сказано выше, было недолгим, и в 1763 г. братство вернулось в скит св. Илии. Это важнейшее место, где литературная деятельность Паисия приобретает организованный характер. Здесь формируется устойчивый центр переводческой работы, включавший не только сбор и сверку текстов, но и заказ их переписывания в афонских скрипториях.

Подробности об этом малоизвестном игуменстве преподобного Паисия в монастыре Симонопетра стали явными благодаря архивным материалам, введенным в научный оборот исследователем С. Шумило¹⁰. Они позволили существенно

¹⁰ Шумило С. В. Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за

уточнить как обстоятельства передачи Симонопетры Паисия, так и причины последующего отказа от нее. Фактически, братство оказалось в ситуации выбора без приемлемой альтернативы. Ильинский скит оставался тесным и не позволял дальнейшего роста общежития, тогда как принятие Симонопетры означало бы вовлечение в долговые и административные обязательства, несовместимые с избранным образом жизни.

Указанные документы (послание Паисия к Афанасию, письмо Паисия к митрополиту Киевскому Арсению (Могилянскому), сопроводительное письмо патриарха Кирилла V митрополиту Арсению) выявляют активное участие в судьбе Паисия бывших Константинопольских патриархов Кирилла V и Серафима II, проживавших тогда на Афоне (Кирилл — в скиту св. Анны, Серафим — в монастыре Пантократор). С обоими Паисий состоял в тесных и доверительных отношениях, причем их авторитет, несмотря на формальное пребывание «на покое», сохранял реальное значение в церковной практике. Инициатива передачи Симонопетры, по-видимому, исходила от Серафима II (возможно, при участии Кирилла V) и была направлена на то, чтобы удержать Паисия и его братство на Афоне. Серафим поддерживал с ним особенно близкое духовное общение: исповедовался у него, лично посещал его и обсуждал с ним положение братства и перспективы его устройства. В то же время ключевую роль в административном и внешнем обеспечении этого проекта играл Кирилл V. Именно к нему Паисий обращался за советом и поддержкой, согласовывая с ним решения, связанные с Симонопетрой. Кирилл снабжал братство рекомендательными грамотами для сбора милостыни и выступал посредником в контактах с митрополитом Киевским Арсением, что придавало действиям Паисия необходимую церковную легитимность. Показательно, что, несмотря на утрату кафедры и даже ссыльное положение, Кирилл продолжал восприниматься как носитель патриаршего авторитета: его благословение фактически служило достаточным основанием и для решений Священного собора. Таким образом, данный

эпизод свидетельствует, что ключевые решения в судьбе паисиевского братства принимались не изолированно, а в постоянном взаимодействии с представителями высшей церковной иерархии, что обеспечивало им как духовное руководство, так и институциональную поддержку.

СОХРАННОСТЬ РУКОПИСЕЙ АФОНСКОГО ПЕРИОДА И ПОСЛЕДУЮЩИХ, ПЕРЕПИСАННЫХ УЧЕНИКАМИ СВ. ПАИСИЯ НА СЯТОЙ ГОРЕ

В

завершение необходимо также кратко коснуться и рукописей, созданных на Святой Горе учениками Паисия, которые они писали, проживая подолгу в обителях или будучи проездом в паломничестве по святым местам. До сих пор эти манускрипты хранятся в афонских обителях. Сохранился и единственный автограф написанного рукою св. Паисия «Слова Петра Дамаскина. Книга 2» в библиотеке Пантелеимоновского монастыря¹¹. Далее, схим. Платон, автор одного из вариантов жития своего старца, написал несколько рукописей¹². Схимонах Климент оставил наибольшее количество рукописей в афонских хранилищах Зографа и Хиландара¹³. Также схим. Афанасий (Охлопов), принеший в Россию множество переводов, сделанных св. Паисием, переписывал книги и на Святой Горе¹⁴. И, наконец, сербский последователь прп. Паисия, о. Симеон

¹¹ Библиотека монастыря Пантелеимон, L032101. Слова Петра Дамаскина. Книга 2.

¹² Библиотека скита св. Илии, с. 9. Сборник аскетический, с. 10. Слова Исаака Сирина, с. 11. Сборник аскетический. Библиотека монастыря Хиландар, 218/355 Сборник аскетический.

¹³ Библиотека монастыря Зограф, сл. 240. Поучения Нила Сорского, сл. 246. Слова Исаака Сирина; Библиотека монастыря Хиландар 197 (349). Рай Каллиста и Игнатия, 199/281 Поучения Илии Екдика и Диадокха Фотикийского, 216/353 Феодора Студита оглашения, 217/354 Слова Исихия Иерусалимского, 290/304 Житие Паисия Величковского, 674/592 Слова Симеона Нового Богослова.

¹⁴ Библиотека монастыря Хиландар 206/288, Слова Марка Постника, 213/299 Лествица Иоанна Синайского, 219/356 Главы Каллиста Катафигиота, 726/631 Слова Симеона Нового Богослова, 774/737 Сборник аскетический, Библиотека монастыря Пантелеимон, L032046. Феодор Студит. Оглашения, L032219. Лествица Иоанна Синайского.

(Ивкович), в бытность на Святой Горе написал там одну рукопись¹⁵. Отметим, что это только рукописи известных нам писцов паисиевской школы. В целом же манускриптов в святогорских архивах, так или иначе содержащих переводы от братства св. Паисия, обнаружено еще немало¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И так, афонский период в жизни Паисия Величковского предстает не как подготовительный этап, но уже как время формирования основных принципов его деятельности — как переводческой, так и организационной. Именно здесь складывается его метод работы с текстами, основанный на сопоставлении славянской традиции с греческими оригиналами, а также формируется круг источников, определивших содержание последующего корпуса переводов. Важным результатом является и выработка устойчивой модели общежительного уклада, соединяющей аскетический идеал с практической необходимостью управления братством в сложных социально-экономических условиях. Богослужебный афонский устав братство перенесет

¹⁵ Библиотека монастыря Хиландар, 198/280 Поучения Илии Екдика и Иоанна Карпафийского.

¹⁶ См., например, наши статьи с описаниями рукописей: *Жгун П. Б.* Описание рукописных книг, происходящих из школы св. Паисия (Величковского) и связанных с ним обителей. Рукописи из собрания афонского монастыря Зограф [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/materials/article/opis-rukopisnikh-knig-proiskhodyashchikh-iz-shkoli-sv-paisiya-velichkovskogo-i-svyazannikh-s-nim-obitelei-rukopisi-iz-sobraniya-afonskogo-monastirya-zograf> (дата обращения: 22.06.2026); *Жгун П. Б.* Описание рукописных книг, происходящих из школы св. Паисия (Величковского) и связанных с ним обителей. Рукописи из собрания афонского монастыря Хиландар [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/materials/article/opis-rukopisnikh-knig-proiskhodyashchikh-iz-shkoli-svyatogo-paisiya-velichkovskogo-i-svyazannikh-s-nim-obitelei-rukopisi-iz-sobraniya-afonskogo-monastirya-khilandar> (дата обращения: 22.06.2026); *Жгун П. Б.* Описание рукописных книг, происходящих из школы св. Паисия (Величковского) и связанных с ним обителей. Рукописи из собрания афонского Пантелеимонова монастыря [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/materials/article/opis-rukopisnikh-knig-proiskhodyashchikh-iz-shkoli-sv-paisiya-velichkovskogo-i-svyazannikh-s-nim-obitelei-rukopisi-iz-sobraniya-afonskogo-pant-eleimona-monastirya> (дата обращения: 22.06.2026).

и в следующие свои обители. Переписка св. Паисия свидетельствует о стремлении действовать в рамках канонического порядка, что отличает его от образа исключительно духовного старца. Одновременно анализ источников показывает, что деятельность его братства разворачивалась в контексте более широких процессов, затрагивавших православный мир XVIII в., включая движение колливадов на Святой Горе и рост интереса к святоотеческому наследию в ту эпоху в целом. Однако же паисиевская позиция сохраняет самостоятельность и не сводится к принадлежности к какому-либо из направлений. Мы видим, что Паисий за рассматриваемый период смог наладить тесные связи не только с отцами славянских обителей, но и с представителями Ватопеда, Пантократора, скита св. Анны, что в дальнейшем даст возможность получать рукописи с Афона и быть в курсе таких проектов, как подготовка и издание греческой «Филокалии».

Таким образом, уход братства со Святой Горы правильно рассматривать как закономерный итог сложившейся ситуации, при которой дальнейшее развитие его переводческого и общежительного проекта требовало иной, более свободной среды. Этот переход открывает следующий этап — молдавский период, в рамках которого созданная на Афоне программа исправления текстов получает свое окончательное воплощение.

БИБЛИОГРАФИЯ

Mainardi A. La corrispondenza dello starec Paisij Veličkovskij (1722–1794): tesi di laurea. Torino: Università degli studi di Torino, 2002.

Pelin V. Paisianism in the Cultural and Spiritual Context of Southeast and Eastern Europe (18th–19th Centuries). Iași: Doxologia, 2017. (Biblioteca Paisiană. Studii; 1).

Sfântul Paisie de la Neamț, Cuvinte și scrisori duhovnicești: in 2 vol. / Ed. V. Pelin. București, 1998–1999.

Tachiaos A.-E. N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981.

Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the 18th Century: Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794). Thessaloniki, 1986.

Брискина-Мюллер А. Спор об уставе между Паисием Величковским и Афанасием Молдаванином (1763 г.). Страница истории Афона и паисианского братства // Афонское наследие: научный альманах. 2017. Вып. 5–6. С. 256–285.

Ильинский скит на Афоне / Н. Феннелл, П. Троицкий, М. Талалай. М.: Индрик, 2011. 400 с.: ил.

Леонид (Поляков), митр. Избранные труды: в 3 т. / Сост. игум. Феофан (Петр Пожидаев). Елгава, 2017. Т. 3.

Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения. Серпухов: НПВ, 2014.

Турилов А. А., Мошкова Л. В. Славянские рукописи афонских обителей / Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Салоники, 1999.

Шумило С. В. Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // Афонское наследие: научный альманах. Киев; Чернигов: Международный институт афонского наследия, 2017. Вып. 5–6. С. 231–255.

Шумило С. В. До історії игуменства прп. Паїсія Величковського в монастирі Симонопетра на Афоні за невідомими раніше архівними документами XVIII ст. // Сіверянський літопис: Всеукраїнський науковий журнал. 2017. № 1–2 (133–134). С. 79–93.

Шумило С. В. Малоизвестные факты биографии прп. Паисия Величковского во время пребывания его на Афоне (по архивным источникам) // Афонское наследие: научный альманах. Киев; Чернигов: Международный институт афонского наследия в Украине, 2016. Вып. 3–4. С. 175–185.

Шумило С. В. Преподобный Паисий Величковский и последний Кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Калнышевский: малоизвестные письма // Афонское наследие: научный альманах. Киев; Чернигов: Международный институт афонского наследия в Украине, 2015. Вып. 1–2. С. 336–365.

The Athonite Period in the Life and Work of St. Paisius Velichkovsky

Zhgun Petr B.

Independent Researcher, Saint Petersburg
theofile@mail.ru

FOR CITATION: *Zhgun P. B.* The Athonite Period in the Life and Work of St. Paisius Velichkovsky // Bogoslov. 2026. № 2 (10). P. 176–196.
DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2026.10.2.006

ABSTRACT The article examines the Athonite period in the life of Paisius Velichkovsky as the initial stage in the formation of his monastic brotherhood and translation school. It is shown that Paisius's activity unfolded within a multilingual book culture in which Slavic, Romanian, and Greek traditions interacted. Particular attention is paid to his work on collating and correcting Slavic translations on the basis of Greek originals, as well as to the formation of a circle of collaborators proficient in Ancient Greek. The analyzed sources make it possible to identify the features of Paisius's historical thinking, expressed in his distinction between the unchanging content of the patristic tradition and the variable forms of its expression. It is concluded that Paisius's departure from Athos in 1763 was determined not only by external circumstances, but also by the internal logic of the development of his communal and translation project. The article also identifies Church Slavonic manuscripts containing translations produced by the disciples of St. Paisius on Mount Athos in a later period, at the end of the 18th and the beginning of the 19th centuries.

KEYWORDS: Paisius (Velichkovsky); monk Platon, monk Clement, monk Athanasius (Okhlopov), Simeon (Ivkovich), the Slavic Philokalia, Mount Athos, St. Elijah Skete on Mount Athos, Simonopetra Monastery, manuscripts, translations of the writings of the Holy Fathers

The article was submitted 08.05.2026,
accepted for publication 22.05.2026.